

ся основному закону природы, который заключается въ идеѣ общей пользы, или общечеловѣческой солидарности, которая и не идея только, а именно „единъ изъ основныхъ законовъ человѣческой—природы,“ (Реалисты, стр. 63—65). По мнѣнію Писарева, реалистъ разсуждаетъ такъ: „Человѣческій организмъ устроенъ такъ, что онъ можетъ развиваться по человѣчески и удовлетворять всѣмъ своимъ потребностямъ только въ томъ случаѣ, если онъ находится въ постоянныхъ и разнообразныхъ сношеніяхъ съ другими подобными себѣ организмами. Выражаясь короче и проще, человѣку, для его собственнаго благосостоянія, необходимо общество другихъ людей,“ (стр. 64 и 65). Отсюда, по мнѣнію Писарева, слѣдуетъ, что, „вполнѣ разсчетливый эгоизмъ совершенно совпадаетъ съ результатами самаго сознательнаго человѣколюбія;“ а потому идею любви реалистъ проводить въ жизнь просто и дѣйствительно, хотя обращается къ ней чрезвычайно рѣдко (стр. 66-я). „Обыкновенно,“ говоритъ Писаревъ далѣе, „онъ (т. е. реалистъ) имѣетъ дѣло съ ея (идеи любви) *практическими выводами и частными приложеніями*.“ Доживши до тѣхъ лѣтъ, когда приходится выбирать себѣ опредѣленный родъ занятій, молодой человѣкъ начинаетъ всматриваться въ свои способности и дѣлаетъ попытки по разнымъ направленіямъ до тѣхъ поръ, пока не отыщетъ трудъ, *который ему пріятенъ и который при томъ можетъ его прокормить*. Разсматривая различныя сферы занятій, молодой человѣкъ непременно ставитъ нѣкоторые вопросы, на которые ему необходимо получить *отъ себя* отвѣты: Не безчестно-ли это занятіе, то есть не вредитъ ли оно естественнымъ интересамъ *большинства*? Не подѣйствуетъ ли оно подавляющимъ образомъ на мои умственные способности? Обезпечить ли оно мою нравственную самостоятельность, то есть буду-ли я моимъ трудомъ удовлетворять дѣйствительнымъ потребностямъ общества? Чтобы поставигь и рѣшить такіе вопросы, надо быть только „неглупымъ человѣкомъ и получить въ какомъ—нибудь университетѣ довольно ясное понятіе о томъ, что такое общество и что такое умственный трудъ“ (Реалисты, стр. 66-я). Однако, выбирая то или другое поприще,—говоритъ Писаревъ далѣе,—„надо взглянуть на дѣло *широко и серьезно*, надо обратиться къ высшей, руководящей идеѣ, т. е. къ идеѣ общей пользы, или общечеловѣческой солидарности, и ей надо безусловно подчинить разныя второстепенныя соображенія, которыя обыкновенно называютъ *практическими*, а на самомъ дѣлѣ всегда оказываются ложными и близорукими“, отъ которыхъ и происходятъ обыкновенно ошибки въ разсчетѣ; отъ этихъ ошибокъ „насъ всего лучше можетъ предохранить та кажущаяся жертва, которую мы принсимъ требованіямъ высшей идеи“ (стр. 67-я). Итакъ, чѣмъ же мы должны руководствоваться при выборѣ опредѣленнаго рода занятій, нашими-ли эгоистическими склонностями, нашими ощущеніями, отъ которыхъ будто-бы все зависитъ, какъ говоритъ Базаровъ, или же требваніями высшей идеи? Насъ увѣряютъ, что разсчетливый эгоизмъ совершенно совпадаетъ съ результатами самаго сознательнаго человѣколюбія (филантропіи?), которое требуется высшею идеею, а потому мы и должны руководствоваться этою идеею, а не нашими склонностями, не нашими ощущеніями, которыя вводятъ насъ въ ошибки; но пока мы не испытали этого на себѣ (а